

ТИПЫ ТРАДИЦИОННЫХ ЖИЛИЩ ДОНСКИХ КАЗАКОВ*

Возможна ли «этнографическая типология»?

В 1984 г. в сборнике «Типология основных элементов традиционной культуры» была опубликована статья М.В. Крюкова, посвященная анализу ситуации, сложившейся в отечественной этнографии в области типологических разработок, которая была охарактеризована автором как «кризис типологий»¹.

К этому времени в этнографической литературе, посвященной проблемам традиционного жилища, были разработаны различные типологии, основанные на тех или иных принципах деления. При всем многообразии существующих подходов к проблеме главными можно считать два направления: выделение типов на основе одного признака и использование набора (суммы) признаков. Сторонники первого направления в качестве единственного дифференцирующего признака использовали высотный показатель², планировку³, либо характер расположения и группировки построек, входящих в комплекс жилища⁴.

Авторы сборника «Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы», построившие свою типологическую схему, исходя из особенностей планировки жилых построек, подчеркивали, что при классификации жилища на больших территориях нецелесообразно применять набор признаков, так как в этом случае выделенные типы будут иметь слишком частный характер⁵. Однако принцип выделения типов по сумме признаков, предложенный еще в 1920-е годы С.П. Толстовым⁶, получил признание и был развит в работах Л.Н. Чижиковой, Е.Э. Бломквист, а также в некоторых коллективных трудах⁷. Набор основных признаков обычно включал строительный материал и технологию, конструкцию стен, горизонтальную и вертикальную планировку, конструкцию и форму крыши, способ связи жилого дома и надворных построек и т.д.

К началу 1980-х годов в отечественной этнографии было разработано значительное количество разных типологий традиционного жилища. Но их критический анализ, проведенный М.В. Крюковым, показал, что никто из авторов не пытался аргументированно обосновать сделанный ими отбор признаков. Оставалось неясным, почему исследователи выбирают в качестве главного тот или иной признак, считая возможным абстрагироваться от прочих как второстепенных, почему именно такой набор признаков они используют для выделения типов и располагают их в определенной последовательности. В большинстве случаев авторы не оговаривали, какие признаки служили основой для выделения типов, а какие – для выделения подтипов и вариантов. Иногда один и тот же признак использовался в обоих случаях.

Однако, по мнению М.В. Крюкова, наличие в исследованиях классификационных ошибок – это лишь одна сторона проблемы. Другая состоит в том, что если даже все эти типологии будут приведены в строгое соответствие с классификационными нормами, полученные в итоге типы останутся несопоставимыми. Причина этих несоответствий кроется в использовании исследователями различных дифференцирующих признаков. А поскольку «сам по себе выбор признаков определяется целями исследований»⁸, возникла проблема – насколько выделенные типы соответствуют этнографической реальности? Ту же проблему пытались решать и археологи. В.С. Бочкаревым были сформулированы различия между эмпирически на-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 92-01-8002).

блюдаемыми «свойствами» (этнический аспект) и культурно-значимыми «признаками» (эмнический аспект)⁹.

Попытка преодоления противопоставления этнических и эмнических характеристик на этнографическом материале была предпринята Я.В. Чесновым, который выдвинул задачу создания «этнографических типологий» (а не формально-морфологических), т.е. таких схем, которые были бы этнографически релевантными. Для создания этнографических типологий, считал он, необходимо исходить из анализа специфических характеристик изучаемых явлений культуры. Я.В. Чеснов предложил назвать их «признаками-условиями»¹⁰. Однако, по мнению М.В. Крюкова и А.О. Вийреса, введение признаков-условий не позволило решить проблему несоответствия типологических схем этнографической реальности¹¹.

Отдавая должное попыткам отдельных этнографов найти пути перехода из этнического в эмническое русло исследований, М.В. Крюков в итоге приходит к неутешительному выводу: «По-видимому приходится признать, что переход от этнического аспекта к эмническому в рамках одной и той же типологической схемы невозможен. Это означает, что сама по себе типология не может быть этнографической... Любая типология может основываться только на формально-морфологических признаках»¹².

Однако вывод, сделанный М.В. Крюковым, не снял с повестки дня главных вопросов, с которыми сталкивается каждый исследователь, приступающий к созданию своей типологии: какими принципами руководствоваться при отборе дифференцирующих признаков, каким образом максимально приблизить типологическую схему к «этнографической реальности»? Авторы работ, посвященных проблемам традиционных жилищ, изданных уже после публикации статьи М.В. Крюкова, по-прежнему избегали «щекотливого» вопроса о принципах отбора дифференцирующих признаков, продолжая исследования в рамках уже существующих типологических схем¹³.

Смена стратегии: не «от признака к культуре», а «от культуры к признаку»

Возможности выхода из «типологического тупика» наметились в некоторых научных разработках последних лет. Большой опыт в этой области накоплен, в частности, археологами. На вопрос о возможности создания некой «культурной», или «культурно-значимой» типологии они (так же, как и М.В. Крюков) первоначально давали отрицательный ответ. Так, археолог Л.С. Клейн в 1979 г. писал, что если в процессе создания типологии двигаться в направлении от признака к культуре, «то весь процесс группировки, предусматриваемый данной стратегией, в чистом виде может протекать только по этому руслу. Сам по себе он в эмническое русло не перейдет – ни в начале, ни в конце, ни внизу, ни вверху. Полученные абстракты... могут иметь культурное значение, а могут и не иметь; ранговые различия рубежей между ними в эмническом русле остаются неизвестными»¹⁴.

Однако, отрицая возможность перехода от этнического аспекта к эмническому в рамках одной типологии, Л.С. Клейн все-таки допускал, что полученные абстракты («по случаю») могут иметь культурное значение. В каком же случае может произойти это совпадение созданной абстрактным путем схемы с этнографической реальностью? Очевидно, в том случае, если классификатор отберет в качестве дифференцирующих признаков такие, которые и самими носителями традиции признаются первостепенно значимыми. Но поскольку во всех известных типологиях их авторы движутся в направлении «от признака к культуре», то, естественно, что такое совпадение оказывается лишь «случайным». Главная причина таких несоответствий – отсутствие критериев отбора признаков. Не следует ли из этого, что необходимо изменить направленность исследования и вести его «от культуры к признаку», т.е. использовать для отбора дифференцирующих признаков систему оценок, выработанную в той или иной этнической среде?

Эта мысль, кажется, вполне логично вытекает из приведенной выше цитаты из

статьи Л.С. Клейна, вышедшей в 1979 г. А в 1992 г. была опубликована его книга под знаменательным названием «Археологическая типология», в которой автор уже оперирует такими понятиями, как «археологическая типология», «этнографическая типология», «культурный тип». По определению Л.С. Клейна, культурные типы формируются на основе связей, содержащихся в самом материале, и выделяются самими создателями исследуемой культуры. Задача классификатора, по его мнению, заключается в выделении культурных типов из ряда типов эмпирических (т.е. наблюдаемых, доступных нашему восприятию). Л.С. Клейн приходит к выводу, что для опознания среди эмпирических типов культурных необходимо исходить из археологических культур. Это значит, что прежде чем приступить к опознанию и выделению культурных типов, мы должны обладать знаниями об уже выделенных археологических культурах¹⁵.

Занимаясь анализом «живой культуры», Л. Безмоздин пришел к аналогичному выводу: «... Анализ значений и смыслов вещи и ее способности выступать в роли индикатора той или иной человеческой общности может быть осуществлен лишь применительно к конкретному типу и классу вещей, функционирующих в контексте той или иной культуры...»¹⁶.

У археологов задача определения культурных типов упирается в глобальную проблему определения археологической культуры. Задача же этнографа значительно облегчена тем, что в его распоряжении – сама «живая культура» и возможность анализировать особенности функционирования той или иной вещи в контексте данной конкретной культуры.

О необходимости для исследователей рассматривать традиционные культуры с позиции «изнутри», а не «извне» в последние годы неоднократно писали А.К. Байбурин, А.Л. Топорков, Т.А. Бернштам¹⁷.

Таким образом, приступая к опыту создания типологии традиционного жилища донских казаков, мы предлагаем для отбора дифференцирующих признаков и выделения типов рассматривать его в контексте традиционной казачьей культуры, осуществляя движение в направлении от культуры к признаку, надеясь, что созданная в итоге типология окажется этнографически релевантной. При этом мы не считаем, что принцип использования так называемой «народной типологии» должен противопоставляться методам формальной типологии. Первая может послужить в качестве существенного дополнения ко второй и использоваться для выверки результатов, полученных путем формально-морфологического анализа.

Народная терминология жилища – ключ к поиску дифференциальных признаков

Каждый этнос или этническая группа использует определенную систему терминов для обозначения отдельных элементов культуры (в том числе и жилых построек). Сама по себе эта система (и каждый термин в отдельности) отвечает условиям ареальности и устойчивости, а кроме того, является знаковой системой, в которой отдельный термин-знак фиксирует определенные характеристики обозначаемого предмета. Наша задача заключается в том, чтобы раскодировать эти признаки-характеристики.

Способы семантизации предметов достаточно подробно описаны в обширной литературе по семиотике. Простейший из них заключается в том, что сначала вычленяется отдельная характеристика предмета, например форма (круглый, вытянутый и т.д.), затем на основе этой характеристики предмет наделяется символическим значением. Отдельная характеристика при этом также может иметь символический смысл (например, круг – знак солнца, вселенной, символ рая и пр.)¹⁸. Таким образом, следуя обратным путем (от знака к характеристике), исследуя символику и этимологию терминов, можно получить «культурно значимые» признаки-характеристики исследуемых объектов, которые в дальнейшем могли бы быть положены в основу нашей типологии жилых построек донских казаков.

Терминология, применяемая донскими казаками для обозначения жилых построек, отличается значительным разнообразием и вариативностью, что было связано с особенностями освоения Дона и формирования казачества как сословно-этнической группы с участием разных этносов и выходцев из различных регионов Российского государства.

Наиболее ранние сведения о жилищах донских казаков (с указанием их точных названий) содержатся в актах станичных архивов XVII в. В них упомянуты *землянки* и *шиши*. Описания традиционных построек донских казаков содержатся также в документах архива Русского Географического общества, в периодической печати XIX в. При разработке типологии использовались также материалы Этнографических экспедиций Волгоградского государственного университета (1983–1989, 1997 гг.), а для анализа отдельных терминов – словари донских говоров¹⁹. Разумеется, работе над типологией предшествовал долгий этап по сбору, обработке и анализу этих материалов, позволивший представить общую картину особенностей традиционных казачьих жилищ²⁰.

В общем виде система терминов для обозначения жилых построек у донских казаков выглядит следующим образом: 1) *шиши*, 2) *землянка*, 3) *хата*, 4) *хижка*, 5) *хата с чуланом*, 6) *пятистенок*, 7) *круглый дом*, 8) *курень*, 9) *изба*, 10) *связевая хата (связь)*, 11) *протяжная хата*, 12) *флигель*, 13) *дом*, 14) *дом с «низами»*, 15) *дом с теплым коридором*.

Сама по себе эта система не отражает количество реально существовавших у донских казаков видов жилых построек. Для обозначения одного и того же вида жилища пользовались несколькими различными терминами (например, для однокамерной постройки – *землянка*, *хата*, *хижка*, *курень*; для трехкамерной связевой – *протяжная хата*, *связевая хата*). И наоборот, два конструктивно различных (и имеющих различные истоки) вида жилищ назывались «круглыми» домами. Но для поиска дифференциальных признаков для нас представляет интерес лишь смысловая нагрузка терминов, т.е. зафиксированные в них признаки-характеристики реальных объектов.

Признак – форма

Проведенный анализ показал, что из 15 терминов, используемых донскими казаками для обозначения жилых построек, 4 образованы на основе характеристики формы жилых построек (*шиш*, *курень*, *круглый дом*, *протяжная хата*). Причем этот признак закреплен в терминах, обозначающих как самые ранние виды казачьего жилища, так и поздние, относящиеся к концу XIX в.

Термин *шиши* (*холодный шиши*, *шиши над ямою*) происходит от слов *шишика*, *шишиак* (по Далю, *шиши* – островерхая куча, ворох, насыпь, постройка из составленных сахарной головой и покрытых соломой жердей; крыша *шишом* – в два шара, шатром)²¹. Описание древних полужемляных жилищ, существовавших на Дону (к сожалению, без ссылки на источник), дает А.П. Пронштейн²². Эти жилища представляли собой круглую яму, покрытую жердями, поставленными вокруг нее и связанными сверху в пучок, с кровлею из камыша или сена. Таким образом, в названии этого вида жилища отражена особенность его формы (коническая или сферическая, в плане – круглая).

На смену примитивным шишам со временем пришли жилища квадратной формы – курени. Из множества версий, объясняющих происхождение слова *курень*, для нас интересна та, которая связывает его с монгольским *хурээ* – *круг*, *кольцо*²³. Вот как характеризуют курень XIX в. сами казаки: «Курень – круглый дом, чатыря комнаты»²⁴.

В XIX в. наряду с термином *курень* стал широко использоваться термин *круглый дом*. Это понятие сами носители традиции определяли следующим образом: «Круглый

дом – эта кагда ва-фсе стороны адинаковый, скажым, и тах-та восьмь метраф и тах-та восьмь»²⁵. Следовательно, *круглыми* казаки называли жилища квадратной формы. Причем один и тот же термин *круглый дом* использовался для обозначения двух конструктивно различающихся видов жилища: состоящего из сруба, разделенного на четыре помещения двумя взаимно пересекающимися стенами (*крестовик*)²⁶, и из сруба, разделенного на комнаты дощатыми перегородками. Тем не менее в термине фиксируется не это (на взгляд любого классификатора – весьма существенное) различие, а сходство – *квадратная (круглая)* форма основного помещения (пристроенные к ним чуланы были обычно прямоугольными). Четко выраженное соотношение круга и квадрата в русской народной традиции отмечено В. Далем: «Квадрат – равносторонний и прямоугольный четырехугольник: народ называет его круглым четырехугольником или клеткою»²⁷. Круглой десятиной в народе называли квадратный участок земли с размерами сторон в 50 или 60 сажень²⁸.

Термин *протяжная хата* был призван подчеркнуть отличие по форме этого вида жилища от *круглого дома* и *куренья*. *Протяжная* – значит протянутая, вытянутая в длину: «Када гаварим пратяжной дом, значить ня круглай, длинный. Эта свясь, ана длинная»²⁹. Интересно, что этот термин для обозначения трехкамерного связевого жилища (состоявшего из двух отдельных срубов, связанных чуланом), использовался только донскими казаками. Это обстоятельство можно объяснить тем, что именно представителями этой сословно-этнической группы придавалось особое значение такому признаку, как форма жилой постройки.

В термине *круглый дом*, по мнению наших информаторов, фиксируется еще и такой признак, как форма крыши: «Круглый дом называют, патаму-чта крыша у няго круглая, то исть шатром»³⁰. В другом случае владелица дома-*флигеля* с двускатной тесовой крышей (а не традиционной четырехскатной чаканновой) пояснял: «Флигель – ета када крыша об два ската, а ня круглая, и сам дом длинной»³¹. Четырехскатные соломенные, камышовые или чаканновые крыши, преобладавшие у донского казачества до конца XIX в., повсеместно называли *круглыми* или *шатровыми*.

Курень как иная модель жилища (признак организации внутреннего пространства)

Итак, 4 из 15 терминов содержат в себе указание на особенности формы построек. Однако термин *курень* заслуживает пристального внимания. Дело в том, что разные исследователи высказывали различные точки зрения о его происхождении. Так, С. Номикосов полагал, что «казаки называют свои дома куренями, вероятно, потому, что в глубокую старину они действительно были курны, как курные избы»³². В. Даль допускал двойное толкование этого слова: от *куриться* или от монгольского *кура* – *кочевье*. Значение слова *курень* он определял так: 1) временный приют в лесу, в поле, шалаш, балаган, землянка, шатер, хижина, лачуга; 2) селение, исподволь образовавшееся; у запорожцев – избы или хаты в одной купе, кучке³³. М. Фасмер отмечал тюркское происхождение слова *курень* (от *кигэн* – *тола*, *племя*, *воин*)³⁴.

Последняя трактовка заслуживает особого внимания. В кочевнической традиции куренем называли соединение нескольких патриархальных семей (т.е. род) и соответственно способ устройства кочевого поселения рода с расположением юрт (кибиток) по кругу. Куренное построение поселений или войска было известно многим кочевым народам Евразии – аланам (IV в.), печенегам (X в.), половцам (XI в.)³⁵. Куренем была спланирована Хазарская княжеская ставка, обнаруженная на Цымлянском городище (Правобережье Дона) и описанная С.А. Плетневой. Она состояла из семи жилых построек (углубленных в землю юрт), расположенных по кругу, восьмая находилась в центре³⁶.

В XI–XII вв. построение кочевий куренем было распространено у монголов. Куренем они называли поселение, состоявшее из кибиток, поставленных по кругу, в

отличие, скажем, от орды – построения кибиток в виде параллельных линий. Рашид-ад-Дин писал, что монгольский курень состоял из большого числа кибиток, расположенных по кругу, в центре которого размещалась кибитка старейшины рода³⁷.

С.А. Плетнева считала, что ставка в форме круга (курень) была связана с языческой символикой солнца и неба и находила отражение в устройстве жилищ кочевников – *юртах*. В юртах очаг всегда располагался в центре. Объяснялось это не только чисто практической необходимостью (расположение отверстия для выхода дыма в центре куполовидного перекрытия и огня подальше от легковоспламеняющихся стен), но и особым значением очага как объединяющего начала, вокруг которого собиралась вся семья. Очаг был домашним святилищем, местом, связанным с богиней Ут (у монголов), считавшейся подалницей счастья и богатства³⁸. Особенно наглядна связь очага с небесным огнем – солнцем просматривается в представлениях алтайских тюрков. Солнечный луч, падавший на очаг через дымовое отверстие, считался небесным столбом, удары по которому могут вызвать колебания небесного свода³⁹.

В то же время С.А. Плетнева полагала, что поселения-курени были связаны и с особенностями социальной организации кочевников. Они были характерны для периода разложения родоплеменного строя и становления раннего феодализма. Князь – хозяин центральной юрты – был также хозяином всей ставки, объединяющей силой как раннего куреня, так и всей подчиненной ему орды. Именно эта идея, по мнению С.А. Плетневой, была заложена в куренном построении кочевья. В дальнейшем по мере развития феодальных отношений, а также в связи с распространением у кочевников мусульманства и христианства исчез и древний обычай ставить ставки по солнечному кругу – куренем⁴⁰.

По принципу куреня строились и казачьи городки. Они были, как правило, круглыми или овальными в плане. Центром городка была площадь (плац, майдан) со станичной избой, в которой размещался атаман. Жилища располагались вокруг площади (отсюда: «казачий круг», «созвать круг», «выйти на круг»). Очевидно, именно «круг» как собрание всех членов общества, являвшийся основой социальной организации казачества, и обусловил распространение куренного построения поселений. Впоследствии с усилением социальной неоднородности казачества куренный принцип строения городков и станиц был изменен. Поздние казачьи станицы имели «центр», заселенный станичной знатью, и «периферию» (концы, кутки), где селились казаки среднего достатка.

По принципу куреня строились и старинные казачьи усадьбы: жилая постройка в центре подворья с хозяйственными строениями, расположенными по кругу. Сами казаки называли такое подворье *куренем*.

Теперь попытаемся выяснить, почему типичное казачье жилище на протяжении веков также называлось *куренем*. Мы уже установили, что принцип куреня в построении поселений был тесно связан с «куренной» моделью жилища кочевников – *юртой*. В принципе курень-кочевье – это увеличенная копия модели юрты. Не значит ли это, что и старинное жилище донских казаков также имело в основе «куренную» модель?

Авторы статистического описания земли донских казаков, составленного в 1822 г., писали: «Поселения же станиц (обществ) в буквальном смысле, то есть жилища или избы, назывались тогда (до XVII века) юртами». И далее: «Все имена сии упоминаются здесь для того, что ныне они имеют другое значение»⁴¹. Впоследствии юртой стали называть земельные владения станицы вместе с хуторами. Интересно, что в Тамбовской губ. юртой называли подворье и жилой дом⁴².

Мы уже приводили описание древнего примитивного жилища донских казаков – *ишиша*. Оно представляло собой островерхий шалаш над ямой из составленных конусом и покрытых соломой жердей. Упоминание в источниках *холодного ишиша* дает возможность предположить, что были и шиши, обогреваемые открытым очагом или печкой-каменкой. При круглой в плане постройке очаг мог располагаться только в центре.

Шиши – это лишь один из видов жилища (притом – временного). А что представляли собой упоминаемые в актах XVIII в. *землянки*? В нашем распоряжении нет их подробных описаний. Зато есть интересный этнографический материал, использованный археологами П.П. Ефименко и П.Н. Третьяковым для реконструкции славянского Боршевского городища (IX–XI вв.). Они описали две землянки, увиденные ими в 1930 г. в Воронежской обл. Обе землянки местное население называло *куреньями*. Их использовали в качестве временного жилья рыбацки артели⁴³. В центре одной из землянок сохранились следы открытого очага. В другой землянке-курене следов очага нет, но наличие в верхней части одной из стен вытяжных оконцев с плетеными задвижками позволило археологам сделать вывод, что очаг находился в правом дальнем углу. Это утверждение не кажется столь уж очевидным: по реконструкции самих же исследователей, правый дальний угол был занят нарами, идущими вдоль двух смежных стен. Каким же образом здесь мог располагаться очаг? А так называемые вытяжные оконца могли использоваться как для выхода дыма, так и для вентиляции воздуха. Если учесть, что нары занимали примерно треть часть ширины каждой из стен, то неизбежно получается, что очаг находился как раз посередине куреня. Таким образом, есть основания полагать, что оба куреня, имеющие не круглую, а прямоугольную или квадратную форму (размеры первого куреня – 3 × 4 м, второго – 2,7 × 2,9 м), тем не менее сохранили черты «куренной» модели, главная из которых – расположение очага в центре жилища.

Казачьи курени XIX в., известные по этнографическим источникам, представляли собой наземные двухкамерные постройки, отапливаемые русской печью, с фиксированным передним углом. В их планировке уже ясно просматриваются черты «диагональной» структуры жилища, которая начала складываться у восточных славян еще в X–XI вв.⁴⁴. Главные ее черты – наличие красного (переднего, святого) угла, расположенного по диагонали от печного устья. Распространение «диагональной» модели жилищ было связано с изменением религиозно-мифологической картины мира. Антитеза – печь как «языческий центр» и «красный угол» («божий угол») была выведена и подробно рассмотрена А.К. Байбуриным. Он считает, что она «явилась своего рода материальным воплощением русского двоеверия в структуре жилища»⁴⁵.

Таким образом, семантика слова *курень* и проведенный анализ источников выводит нас на «куренную» модель как способ организации внутреннего пространства жилища – в противовес «диагональной». «Куренная» модель построения жилища никогда не учитывалась авторами типологий восточнославянского жилища, поэтому традиционное казачье жилище *курень* не вписывалось ни в одну из предполагаемых типологических схем. В связи с этим становится понятным указание авторов атласа «Русские» на то, что по среднему и нижнему течению Дона (т.е. в зоне бытования куреня) не фиксируется устойчивой традиции в расположении русской печи и переднего угла. Очевидно, дело не в том, что эта традиция здесь не сложилась (или рано разрушилась), а в том, что она изначально была иной, восходившей к куреню. Этим объясняется и то обстоятельство, что во время полевых обследований мы неоднократно фиксировали размещение русской печи в центре куреней и «круглых домов». Внедрение в «куренную» модель жилищ элементов диагональной структуры (русская печь и передний угол) не изменили ее сути, так как диагонали «печное устье – передний угол» в казачьих куренях не придерживались.

Признак: вспомогательные помещения и способ их соединения с основным – жилым

Дальнейшее усложнение общего плана казачьих жилищ (и «диагональных» и «куренных») шло по пути приращения дополнительных помещений. Наличие или отсутствие вспомогательных (по отношению к основному – жилому) помещений и способ их соединений фиксируются в таких терминах, как *хата*, *хата с чуланом* и *связевая хата*. Основное отличие *хаты* от *хаты с чуланом* очевидно: в первом случае

это однокамерная постройка, во втором – двухкамерная (к хате снаружи пристроен чулан). Термин *связевая хата* (*связь*) содержит указание на наличие (кроме основного жилого помещения) вспомогательного, находящегося с ним в связи (соединенного рубленым чуланом).

Такой признак как количество камер использовали в качестве типологизирующего признака различные исследователи⁴⁶. Однако обычно они не обращали внимание на то, что существенное значение имеет не только количество камер, но и способ их образования. Так, в сводной таблице № 36 атласа «Русские» жилище разделено (по количеству камер) на однокамерные, двухкамерные и многокамерные⁴⁷. Но следуя логике такой классификации, к одному типу трехкамерных жилищ должны быть отнесены и связевос жилище (два сруба, соединенных сенями/чуланом), и пятистенок (сруб, разделенный на две части капитальной стеной с пристроенным чуланом), и изба с сенями, имеющая внутреннюю дощатую перегородку. Между тем совершенно очевидно, что все перечисленные виды жилищ принципиально различаются по конструкции, а именно этот признак (конструктивные особенности) и не был учтен авторами данной типологии. Очевидно, необходимо принимать во внимание не только наличие или отсутствие дополнительных помещений, но и способ их соединения с основным. Не случайно этот принцип нашел отражение и в народной терминологии жилища.

И снова признак организации внутреннего пространства основного жилого помещения

Дальнейшая эволюция традиционного казачьего жилища шла как по пути изменения его общего плана (путем приращения дополнительных камер), так и за счет усложнения внутренней планировки, т.е. способа организации внутреннего пространства. Эти изменения со второй половины XIX в. коснулись и «диагональных», и «куренных» построек. Для построек с «диагональной» структурой было характерно появление капитальных стен, а с «куренной» – внутренних дощатых перегородок. Оба эти процесса нашли отражение в таких терминах, как *пятистенок*, *дом с теплым коридором* и *круглый дом* (или просто *дом*).

Круглыми домами во второй половине XIX в. казаки стали называть те же курени, но больших размеров, имеющие внутренние дощатые перегородки. Вот что свидетельствуют по этому поводу источники: «Из ст. Вешенской сообщают: куренем теперь зовут редко, чаще "домом". Это деревянный, рубленый квадратный дом. Состоит он из 1 – горницы (зала), где не живут, а лишь принимают гостей, 2 – хаты – где стряпают зимой, 3 – пални (спальни)»⁴⁸. «Казачий дом в Цымле носит общее название "дома", хотя иной раз называется и куренем, но очень редко. Внутренность дома имеет три комнаты, соединенные между собой...»⁴⁹. «Рядом со старинным словом "курень" употребляется и "хата". Большого различия не делают; название "дом" прилагается к большим постройкам»⁵⁰.

Мы уже проанализировали термин *круглый дом*, обращая внимание на то, что он фиксирует такой признак, как форма постройки. Теперь мы видим, что этим термином (с акцентом на втором слове – *дом*) обозначали не просто квадратные строения, а жилища с усложненной внутренней структурой. В приведенных выше источниках четко просматриваются такие признаки, как многокомнатность и большие (по сравнению с обычным куренем) размеры.

Термины *пятистенок*, *дом с теплым коридором* и *круглый дом* употреблялись по отношению к жилищам с «диагональной» структурой и более усложненной внутренней планировкой. Главное отличие пятистенка от хаты с чуланом – наличие кроме четырех основных несущих стен еще одной (пятой) капитальной стены. В круглом доме было шесть капитальных стен. Такой дом имел квадратную форму (отсюда его название *круглый*), а две внутренние взаимопересекающиеся стены делили его пространство на четыре комнаты (по типу дома-крестовика). При этом в основном

№	Типы	Подтипы	Варианты
I	 <i>Шиш</i>	2	
II	 <i>Курень</i>	1,2	
III	 <i>Курень с чуланом</i>	3,4	
IV	 <i>Круглый дом с перегородками</i>	3,4	1,2,3
V	 <i>Хата, тижска</i>	2,3	1,2,3
VI	 <i>Хата с чуланом (цзба с сенями)</i>	3	1,2,4
VII	 <i>Протяжная (связевая) хата</i>	3,4	1,2,4
VIII	 <i>Пятистенок</i>	3,4	1
IX	 <i>Круглый дом</i>	3,4	1
	 <i>Дом с теплым коридором</i>	3,4	1
X	 <i>Флигель</i>	3	1

Рис. 1 Типы традиционных жилищ донских казаков

жилом помещении (хате) сохранялась «диагональная» структура внутреннего пространства. Термин *дом*, как уже говорилось ранее, был призван отметить большие размеры и многокомнатность этого вида построек, а прилагательное *круглый* лишней раз закрепляло значимость такого признака, как форма построек, что между прочим не позволяет считать это жилище лишь вариантом построек с капитальными стенами, а требует выделения его в качестве таксома более высокого уровня.

Термин *дом с теплым коридором* также указывает на усложненность внутреннего плана жилища. План такого дома в основе был крестовым, но к двум взаимопересекающимся стенам добавлялась третья, так что сруб делился на шесть частей (камер). В фасадной части дома, таким образом, выделялась еще одна «чистая» комната («срединная горница»), а в задней части — «теплый коридор» (холодный дощатый коридор был пристроен к срубу снаружи).

Типы жилых построек донских казаков

Таким образом, проведенный нами анализ позволил отобрать в качестве трех важнейших признаков, служащих для выделения типов, следующие.

Признак А – форма жилища. Возможные его реализации: А1 – круглая; А2 – квадратная; А3 – вытянуто-прямоугольная.

Признак Б – наличие или отсутствие вспомогательного помещения и способ его соединения с основным. Возможные его реализации: Б1 – только жилое помещение; Б2 – жилое с пристроенным нежилым; Б3 – жилое в связи с жилым.

Признак В – способ организации внутреннего пространства основного жилого помещения. Возможные реализации: В1 – «куренной»; В2 – «диагональный»; В3 – «диагональный» с внутренними стенами; В4 – «куренной» с перегородками и измененным положением русской печи.

На основе трех этих признаков могут быть выделены следующие типы жилых построек (рис. 1).

I – А1, Б1, В1 – круглые в плане однокамерные постройки с концентрическим способом организации внутреннего пространства (*шиши*).

II – А2, Б1, В1 – квадратные в плане, однокамерные, с «куренным» способом организации внутреннего пространства (*курень, землянка*).

III – А3, Б2, В1 – квадратные, состоящие из основного и пристроенного к нему вспомогательного помещений с «куренной» структурой жилого помещения (*курень с чуланом*).

IV – А2, Б2, В4 – квадратные, состоящие из основного и пристроенного к нему вспомогательного помещений, внутреннее пространство в них организовано за счет перегородок и изменения положения русской печи (*круглый дом*).

V – А3, Б1, В2 – прямоугольные однокамерные постройки с «диагональной» структурой (*хата, хижка*).

VI – А3, Б2, В2 – прямоугольные постройки, состоящие из жилого и пристроенного к нему вспомогательного помещения, с «диагональной» структурой жилого (*хата с чуланом, изба с сенями*).

VII – А3, Б3, В2 – прямоугольные постройки, состоящие из основного и связанного с ним вспомогательного помещения с «диагональной» структурой (*протяжная/связевая хата*).

VIII – А3, Б2, В3 – прямоугольные дома, состоящие из основного и пристроенного к нему вспомогательного помещений; внутреннее пространство в них организовано с помощью капитальной стены; с «диагональной» структурой (*пятистенки*).

IX – А2, Б3 – квадратные дома, состоящие из основного и пристроенного к нему вспомогательного помещений; внутреннее пространство организовано по «диагональной» модели с помощью внутренних капитальных стен (*круглый дом-крестовик, дом с теплым коридором*).

X – А3, Б2, В5 – прямоугольные дома, состоящие из основного и пристроенного вспомогательного помещений; внутреннее пространство организовано за счет перегородок и изменения положения русской печи (*флигель*).

Анализ письменных источников и данных полевых исследований показал, что в XIX – начале XX в. на территории расселения донского казачества были распространены (в качестве постоянного жилья) лишь 9 из перечисленных 10 типов построек: курени, курени с чуланом, круглые дома с перегородками, хаты, хаты с чуланом, протяжные хаты, пятистенки, круглые дома-крестовики, флигели. Одни типы построек к началу XIX в. вообще перестали строить (например, шиши), другие чаще использовали лишь в качестве временных или хозяйственных (хаты-хижки).

Предлагаемая нами типология позволяет выявить генеалогию отдельных типов построек и выстроить предположительные эволюционные ряды. На рис. 2 видно, что

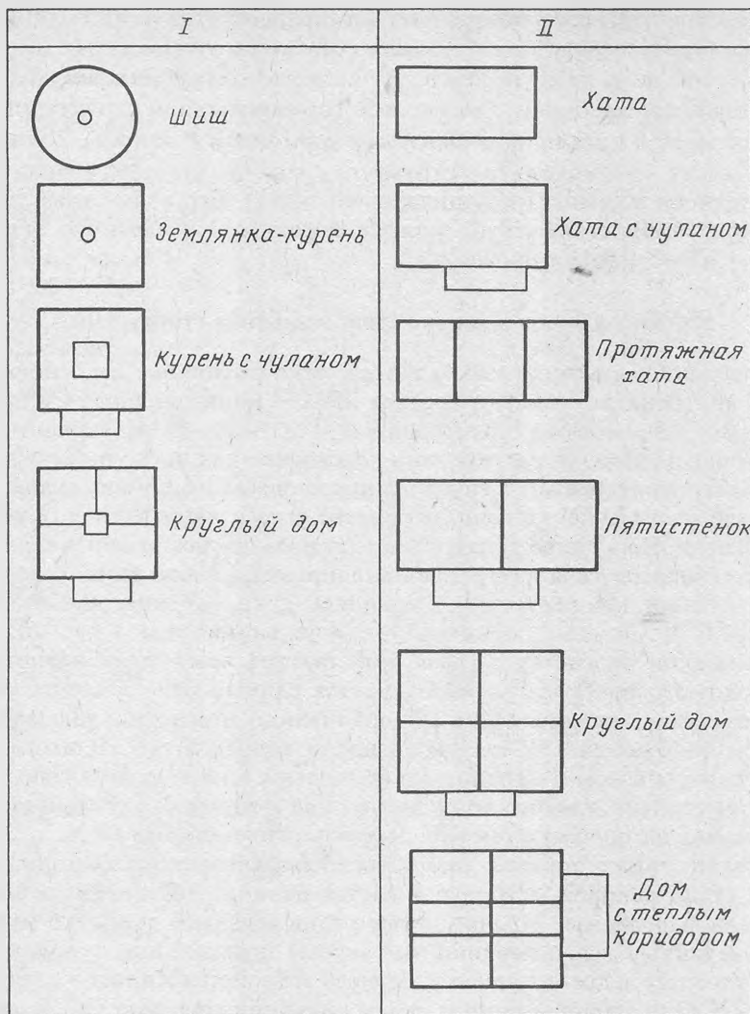

Рис. 2. Эволюция традиционных построек донских казаков

эволюция традиционных жилищ донских казаков развивалась в двух направлениях: 1) от юртообразных построек к куреню и круглому дому с перегородками; 2) от одно-двухкомнатных построек к многокомнатным домам с диагональной структурой.

«Вертикальная структура» – признак для выделения подтипов

Выделенные нами дифференцирующие признаки относятся к горизонтальной плоскости жилищ. По определению А.К. Байбурина, они обладают высокой степенью семиотичности⁵¹, отчего становится понятной их фиксированность в жилищно-строительной терминологии. Однако для жилищ донских казаков характерна также сложная вертикальная структура, изменения которой отражены в таких терминах как *землянка* и *дом с низами*. Как показали проведенные нами исследования, *землянками* и *полуземлянками* у донских казаков назывались различные виды построек: одно- и двухкамерные, с «куренной» и «диагональной» структурой.

Жилища с низами, появившиеся у донских казаков под действием природно-географического фактора (сильные и регулярные разливы Дона), впоследствии стали

показателем уровня благосостояния, а затем и сословно-этнической принадлежности (русские крестьяне из соседних с казачьими поселений с оттенком некоторой зависти отмечали, что у них дома стоят на земле, а у казаков – *дома с низами*). Термин *дом с низами* применялся к жилищам с различной горизонтальной структурой (*курень с низами, пятистенок с низами, дом с теплым коридором с низами*). Таким образом, такой признак как «вертикальная структура» мы предлагаем использовать для выделения подтипов в рамках указанных выше типов. Его возможные реализации: *a-1* – постройки, полностью углубленные в землю; *a-2* – частично углубленные; *a-3* – наземные; *a-4* – с подклетом (*низами*).

Варианты типов жилищ с «диагональной» структурой

Как мы выяснили, у донских казаков исторически сложились две основные модели организации внутреннего жилого пространства – «диагональная» и «куренная». Внутри типов с «диагональной» структурой могут быть выделены варианты.

В этнографической науке разработана классификация восточнославянского жилища с учетом особенностей внутренней планировки жилого помещения на основании трех признаков: расположения печи, переднего угла и направления, в котором повернуто устье печи. В качестве точки отсчета использовался вход в жилище. В итоге были выделены четыре типа внутренней планировки жилого дома: северно-среднерусский, восточный южнорусский, западный южнорусский и западнорусский (украинский)⁵². Е.Э. Бломквист отмечала, что «при внимательном рассмотрении этих четырех пар планов бросается в глаза любопытная вещь: если не принимать во внимание входную дверь в избу, то получается единый план жилища (в двух зеркальных симметриях), который при поворачивании можно накладывать один на другой, и при наложении все элементы плана совпадают»⁵³. В итоге она резюмировала: «Таким образом очевидно, что все четыре плана представляют варианты, хотя и довольно стойкие, единого по существу типа внутреннего устройства восточнославянского жилища с одними и теми же основными элементами»⁵⁴.

А.К. Байбурун также считает, что в восточнославянском жилище существует единый план (тип), основой которого является наличие диагонали: печное устье – красный угол, а выделяемые обычно четыре типа являются лишь его вариантами⁵⁵. Уточняя приведенные высказывания, мы можем подытожить: у донских казаков исторически сложились две модели внутреннего устройства жилищ – «диагональная» и «куренная». Среди типов жилищ с «диагональной» моделью (V–X) выделяются варианты: 1) среднерусский, 2) восточный южнорусский, 3) западный южнорусский, 4) западнорусский (украинский).

Общая картина распространения типов жилых построек у донских казаков показана на карте (см. рис. 3). В результате картографирования наглядно выделяются две зоны: 1) Северная (реки Хопер, Бузулук, верхнее течение Дона) с преобладанием в середине XIX в. типов VI, VII; в конце XIX – начале XX в. – VIII, IX, X. Развитие жилища в этом ареале шло от одно-двухкамерных построек с «диагональной» структурой жилого помещения по пути увеличения его размеров и числа комнат за счет разделения сруба на отдельные помещения капитальными стенами (хата с чуланом – протяжная хата – пятистенок – круглый дом-крестовик). Эта схема развития жилищ полностью вписывается в общерусскую традицию. Преобладающими были наземные жилища (3 подтип). В середине XIX в. у верховых казаков бытовали все четыре варианта внутренней планировки: среднерусский (1), восточный южнорусский (2), западный южнорусский (3), западнорусский (4). В конце XIX – начале XX в. преобладающим становится первый вариант.

2) Южная зона (среднее течение Дона ниже устья р. Медведица, Нижний Дон) с преобладанием в середине XIX в. типа III, а в конце XIX–начале XX в. типов IV и X. В этом ареале развитие жилища шло от юртообразных построек и на протяжении веков сохраняло «куренную» модель внутреннего пространства. Дальнейшая эволюция

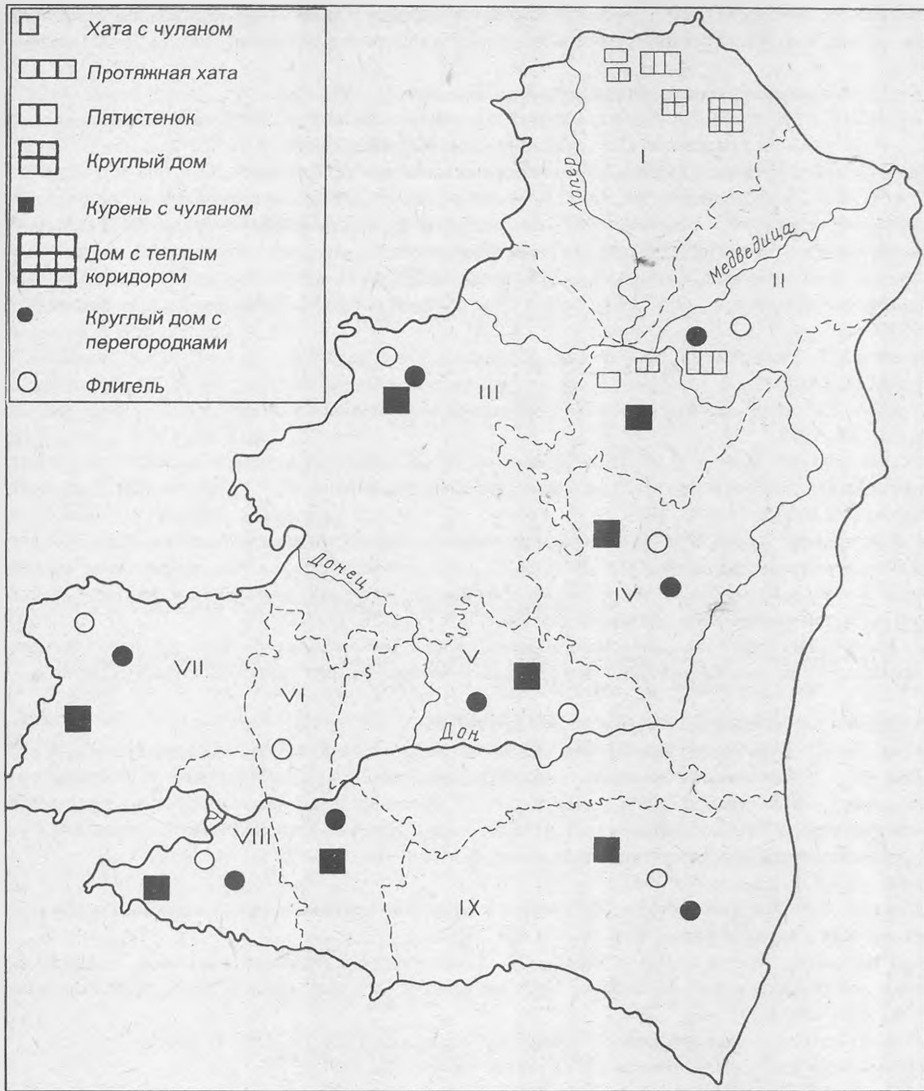

Рис. 3. Типы традиционных жилищ донских казаков в конце XIX – начале XX в. (по округам). Округа: I – Хоперский; II – Усть-Медведицкий; III – Донецкий; IV – II Донской; V – I Донской; VI – Черкасский; VII – Таганрогский; VIII – Ростовский; IX – Сальский.

(Карта выполнена по книге «Иллюстрированная история казачества». СПб., 1913)

этих построек осуществлялась за счет деления жилого пространства на отдельные помещения деревянными перегородками, изменения положения русской печи и выноса ее в низы. Распространение здесь жилищ среднерусского типа (тип X) – явление позднее (вторая половина XIX в.).

Примечания

¹ Крюков М.В. Об общих принципах типологического исследования явлений культуры // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.

² Niderle L. Život starých slovánů. D.I. Sv.2. Pr., 1913; Zelenin D. Die Heilige Hinterecke im Hauskult der Völker Nordeuropas und Nordasiens // Folklore Fellows Communication. № 137. Helsinki, 1949.

- ³ *Маковецкий И.В.* Архитектура русского народного жилища: Север и Верхнее Поволжье. М., 1962.
- ⁴ *Литинская В.А.* Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири // Сов. этнография. 1975. № 5.
- ⁵ Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968.
- ⁶ *Толстов С.П.* К этнологической семантике элементов великорусской культуры жилища в Средней России // Культура и быт населения Центрально-промышленной области. М., 1929.
- ⁷ *Чижикова Л.И.* Русское народное жилище Верхнего Поволжья. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1952; *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956 (ТИЭ. Т. XXXI); *Русские.* Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма (украшение крестьянских домов и одежды). Середина XIX – начало XX в., М., 1970; Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979; *Беларускае народнае жылё.* Минск, 1973.
- ⁸ *Крюков М.В.* Указ. раб. С. 15.
- ⁹ Там же. С. 63–65.
- ¹⁰ *Чеснов Я.В.* О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
- ¹¹ См. подробнее: *Вийрес А.О.* Принципы типологии европейских крестьянских телег (На основе материала Советской Прибалтики) // Типология основных элементов... С. 91; *Крюков М.В.* Указ. раб. С. 91.
- ¹² *Крюков М.В.* Указ. раб. С. 17.
- ¹³ См., например: *Кирей Н.И.* Типы традиционного сельского жилища кубанских казаков и народные способы его строительства (конец XIX–20 гг. XX в.) // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1994; *Ушаков Н.В.* Жилище русских, води, ижор и финнов Санкт-Петербургской губернии начала XX в. Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1991.
- ¹⁴ *Клейн Л.С.* Понятие типа в современной археологии // Типы в культуре. Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках. Л., 1979. С. 66.
- ¹⁵ *Клейн Л.С.* Археологическая типология. М., 1992. С. 121.
- ¹⁶ *Безмоздиз Л.* Культурно-социологический анализ вещи // Вопросы социологии искусства. М., 1979.
- ¹⁷ *Байбурун А.К.* Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л. 1989; *Топорков А.Л.* Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Там же; *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. М., 1988.
- ¹⁸ *Топорков А.Л.* Указ. раб. С. 94.
- ¹⁹ *Миртов А.В.* Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929; *Словарь русских донских говоров.* Т. II. Ростов н/Д., 1976.
- ²⁰ См., например: *Когитин В.В., Рыблова М.А.* Эволюция традиционного жилища донских казаков // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995; Материалы Этнографической экспедиции Волгоградского гос. ун-та. 1989–1990, 1997 гг.
- ²¹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. М., 1981. С. 636.
- ²² *Пронштейн А.П.* Земля донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961. С. 59.
- ²³ *Манерт Л.К.* Древнейшие памятники монгольского монументального зодчества // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 189.
- ²⁴ *Словарь русских донских говоров...* Т. II. С. 101.
- ²⁵ Там же. С. 91.
- ²⁶ Термин *крестовик* донские казаки не использовали. Мы вводим этот термин для того, чтобы отличить круглый дом с внутренними капитальными стенами от круглого дома с дощатыми перегородками, развившегося из куреня.
- ²⁷ *Даль В.* Указ. раб. Т. II. М., 1981. С. 18.
- ²⁸ Там же. С. 200.
- ²⁹ *Словарь русских донских говоров...* Т. II. С. 136.
- ³⁰ Материалы Этнографической экспедиции Волгоградского гос. ун-та. 1997 г. Т. I. С. 198.
- ³¹ Там же.
- ³² *Номикосов С.* Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 305.
- ³³ *Даль В.* Указ. раб. Т. II. С. 222.
- ³⁴ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка в 4-х т. Т. II. М., 1986. С. 425.
- ³⁵ Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. С. 286.
- ³⁶ *Плетисева С.А.* О построении кочевнического лагеря-вежи // Сов. археология. 1964. № 3. С. 134–137.
- ³⁷ *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 86.

- ³⁸ Плетнева С.А. Указ. раб. С. 138.
³⁹ Там же.
⁴⁰ Там же. С. 139.
⁴¹ Жилые места в войске Донском. (Из статистического описания Донского войска 1822 г.) // Донские войсковые ведомости. 1864. № 11.
⁴² Даль В. Указ. раб. Т. IV. М., 1981. С. 669.
⁴³ Ефименко П.П., Третьяков П.П. Древнерусские поселения на Дону // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1948. № 8. С. 26.
⁴⁴ Niderle L. Život starých slovanů. D. I. Sv. 2. S. 877–879.
⁴⁵ Байбурич А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 130.
⁴⁶ Бломквист Е.Э. Указ. раб.; Русские. Историко-этнографический атлас...
⁴⁷ Русские. Историко-этнографический атлас...
⁴⁸ Миртов А.В. Указ. раб. С. 162.
⁴⁹ Ознобишин Е. Ст. Цимлянская // Донские областные ведомости. 1875. № 10.
⁵⁰ Богачев В.В. Очерки географии Всевеликого войска Донского. Новочеркасск, 1919. С. 273.
⁵¹ Байбурич А.К. Жилище в обрядах... С. 184.
⁵² Бломквист Е.Э. Указ. раб.
⁵³ Там же. С. 237.
⁵⁴ Там же. С. 238.
⁵⁵ Байбурич А.К. Жилище в обрядах... С. 129.

M.A. Rublova. Don Kazakh Traditional Houses Types

This article considers the common problems of material culture elements typology. According to the author's opinion the main aim is approaching of typological schemes created by formal-morphological way to the ethnographical reality. Selecting the differentiating indications the author offers to use the criterions which were worked out by the traditional bearers. This method is approved on the materials of traditional houses of Don Kazakh. The article gives the typology of dwelling buildings, considers the genealogy and evolution of its some types.

© 1998 г., ЭО, № 6

М. О п п и т ц

МАГИЧЕСКИЙ БУБЕН гѐ

Посвящается Мирей Хельфер

Задача моей статьи – охарактеризовать магический бубен гѐ, распространенный на сравнительно небольшой территории непальских Гималаев. Эпицентр ареала – район обитания северных магаров, народности, живущей на юго-западе горного массива Дхаулагири. Магары говорят на языке кхам, им свойственны кросскузенные матрилатеральные браки, а также наличие служителей культа, которых можно назвать шаманами. Шаманы северных магаров используют схожую культовую одежду и прочие атрибуты, из которых самый важный – магический бубен гѐ.

В начале статьи шаманский бубен гѐ описывается по своим внешним признакам: особенности его строения, различные части, а также их материал, названия и размеры. Из этого выводится типологическое определение, благодаря которому бубен гѐ можно сравнивать с другими типами бубнов – как внутри этой этнической культуры, так и с шаманскими бубнами других народов, населяющих Гималаи, и, наконец, с бубнами отдаленных областей классического шаманизма Северной Азии.